В диссертационный совет 24.2.336.01,
созданный на базе ФГАОУ ВО
«Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

ОТЗЫВ
ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Микрюкова Виктора Алексеевича
«Категория аналогии в системе регулирования частноправовых отношений»,
представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук
по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки»

Диссертация В.А. Микрюкова выполнена **на актуальную тему**, имеющую существенное теоретическое и практическое значение. Широкое использование во всех сферах жизни современного общества, в том числе и на обыденном, бытовом уровне, слов и словосочетаний с корнем «аналог» создает иллюзию общепринятого понимания сущности обозначаемых ими явлений. Применительно к правовой материи такие общие представления об аналогии сводятся к пониманию аналогии закона и аналогии права как к возможным либо недопустимым средствам преодоления отсутствия правовых норм, регулирующих общественные отношения, входящие в предмет соответствующих отраслей права. Именно это направление доминирует в научных юридических исследованиях аналогии. Вместе с тем, автор в различных аспектах убедительно показал, что в стремительно изменяющихся социально-экономических условиях и фрагментарности законодательства назрела необходимость научного подхода к аналогии как к многозначному частноправовому феномену. Впервые в цивилистической науке поставлена цель «сформировать многоуровневое и многокомпонентное новое научное представление о содержании аналогии в различных сегментах и отраслях

системы регулирования частноправовых отношений с опорой на доктринальную оценку ее возрастающей социально-позитивной роли и востребованности как в практике реализации и применения права, так и в нормотворчестве» (с. 8,9).

Комплексно и полиаспектно поставленные, но при этом структурно выверенные задачи, предопределяющие достижение указанной цели, последовательно решаются автором на протяжении всей работы, состоящей из четырех глав, каждая из которых включает по пять параграфов. Структура работы логична и соответствует цели и задачам исследования.

В общем представлении **научная новизна** диссертации усматривается в том, что В.А. Микрюкову удалось, оттолкнувшись от ретроспективного анализа высказанных в различные исторические периоды позиций ученых юристов и философов о сущности категории аналогии, вывести исследование аналогии в частном праве из привычной сферы правоприменительной деятельности и проанализировать ее в философском аспекте как метод познания, усилить теорию цивилистики современным целостным учением об аналогии как многогранном, сквозном антипробельном инструменте и создать доктринальную основу для эффективного законотворческого реагирования на новейшие потребности частноправовой практики. Данный подход реализован в контексте аргументированной в диссертации современной тенденции возрастания правовой пробельности и неопределенности в усложняющихся и дифференцирующихся частноправовых отношениях. При этом В.А. Микрюков новаторски подошел к конкретизации общих научно-теоретических положений об аналогии применительно к сферам семейных и корпоративных отношений, обделенных особым вниманием в цивилистической доктрине в избранном автором аспекте.

Диссертация В.А. Микрюкова имеет важное **теоретическое значение**. В результате проведенной работы диссертантом сформулированы и аргументированы имеющие основания считаться новыми, теоретически и практически полезными взаимосвязанные выводы и положения, включая

положения, вынесенные на защиту, а также соответствующие им практические предложения и рекомендации, которые в совокупности представляют собой логически выстроенный новый вариант решения социально и экономически важных проблем теории аналогии в частном праве, как и релевантных практических вопросов реализации интерпретационного, аргументационного и антипробельного потенциала аналогии в частноправовом взаимодействии.

В первой и второй главах диссертант наглядно продемонстрировал, что аналогия как правовое средство фактически пронизывает всю частноправовую реальность.

На нормативном уровне системы частноправового регулирования В.А. Микрюков отводит аналогии место не только в виде сложного межотраслевого функционального института (с. 46), но и как средства выработки нормотворческих решений и структурирования нормативного материала в виде «функционально-структурных», «экзистенциальных», «объяснительных» и «обобщающих» аналогий (с. 47-49), а также как способа конструирования особой группы регулятивных относительно определенных норм (с. 55, 56).

На поднормативном уровне аналогия охарактеризована не только в качестве субординационного правоприменительного средства преодоления правовых пробелов, но и как инструмента координационного (договорного и автономного) регулирования частноправовых отношений (с. 63-68).

Широта исследовательского подхода к категории аналогии дала возможность обнаружить и на конкретных примерах раскрыть новый функционал аналогических правовых средств: в усилении дозволительных начал частноправового воздействия (с. 83-86), в содействии защите субъективных частных прав (с. 86-88) в вовлечении в имущественный оборот большего числа объектов (с. 88-106).

Центральное место в характеристике сущности аналогии в системе частноправового регулирования В.А. Микрюков отводит новому видению соотношения нормативной законности и востребованности аналогии как правоприменительного средства, показывая, что аналогия, будучи формально

законным правовым инструментом, сама сущностно участвует в обеспечении законности при регулировании различных видов частных отношений, в том числе наследственных (с. 163), вещных и обязательственных (с. 164-166), семейных (с. 166, 167) корпоративных (с. 168, 169). Особый интерес в этом аспекте представляют новаторские суждения диссертанта о степени востребованности аналогии как антипробельного средства в условиях интенсивного разрастания нормативного массива, которое, по общепринятому мнению, должно было бы привести к исчезновению необходимости применения аналогии (с. 174). Автор, в частности, верно отмечает, «чем больше объем нормативного акта, тем вероятнее, что в нем окажется ошибка или противоречие… если представить нормативный массив документов как внутренность шара, то можно заметить, что увеличение объема этого шара неизбежно увеличивает площадь его поверхности, а значит, и количество точек соприкосновения существующих норм (права) с неизвестными социальными связями (зоной «неправа», сферой «правовой пустоты»)».

Автор аргументированно доказал, что усиление диспозитивности гражданско-правового регулирования способствует увеличению пробельности, а значит ведет к более расширенному применению аналогии.

Положительной оценки заслуживает то, что идея о сквозном характере и полифункциональности аналогии реализуется автором последовательно и увязывается с обнаруженными и поддержанными им расширением круга источников применяемых по аналогии правил (с. 284, 285) и субъектов, способных к аналогической правовой деятельности, включая нотариусов (с. 305-307), а также активизацией применения аналогии права при разрешении частноправовых споров (с. 319-321).

Выделение в диссертации особого места для комплексной проработки ранее не подвергавшиеся анализу вопросов аналогии в правовом регулировании частноправовых отношений, складывающихся в семейной сфере (глава 3), а также связанных с корпоративной спецификой (глава 4), позволило проиллюстрировать и верифицировать выдвинутые им общие положения об

аналогии.

Для третьей главы автор отобрал и проанализировал наиболее показательные, имеющие потенциал стать опорными для дальнейших исследований и формирования правильной судебной практики казусы, решенные судами при помощи аналогии, и подтвердил, что для аналогии в семейном праве, как и в других сферах частного права, характерны такие современные проявления как аналогическое применение подзаконных актов (с. 354), применение аналогии правовых режимов (с. 410, 458), а особенностью выступает более активное использование аналогии права (с. 355-360).

В четвертой главе из массы корпоративных отношений В.А. Микрюков выделил наиболее значимые в правореализационной и правоприменительной деятельности группы пробельных социальных связей, касающихся определения статуса бенефициарных владельцев корпораций (§1), операций с уставным капиталом (§2), прекращения участия в корпорации (§3), распределения чистой прибыли (§4) и порядка подтверждения корпоративных решений (§5). Сделанные автором выводы по потребовавшим применения аналогии проанализированным ситуациям, сложившимся в рамках конкретных корпораций, могут явиться модельными для других видов корпоративных организаций.

Обращая внимание на факторы особой востребованности аналогии в системе регулирования корпоративных отношений, В.А. Микрюков убедительно показал, что стремительное обновление и нарастание корпоративного законодательства зачастую приводит к нормативным излишествам, называемых автором как «правовые плеоназмы» (с. 123, 267, 534), снижающим степень правовой определенности.

Существенным личным вкладом В.А. Микрюкова в правовую науку, демонстрирующим теоретическую значимость диссертации, является оценка автором результата аналогической правореализационной и правоприменительной практики, который состоит не только в том, что каждое конкретное пробельное отношение обретает необходимую правовую

регламентацию, но и в том, что в индивидуальном или групповом правосознании формируются идеальные аналоги реальных правовых норм, для обозначения которых диссертант вводит в научный дискурс новое понятие – правовой конструкт (с. 193). Это позволило содержательно квалифицировать правовые позиции, закрепленные в судебных решениях, а также определить однородную с ними природу моделей поведения, складывающихся при использовании аналогии в правореализационной деятельности субъектов частного права (с. 194).

Положительной оценки заслуживает использование самим автором на протяжении всей работы предложенного понятия правового конструкта, что демонстрирует его научную и практическую применимость. В частности, те случаи, когда происходит применение по аналогии правовых конструктов, зафиксированных в судебных актах высших судов (предварительные и предписанные аналогии), автор обоснованно называет аналогией права (с. 298).

Значительный научный интерес представляет выдвинутое автором положение о существовании пробелов особого рода (правовых аномалий), требующих применения аналогии права при формальном наличии соответствующих законодательных норм (contra legem) (с. 187). Автор выявил неединичные случаи такого правоприменения в различных сферах частного права, в том числе при регулировании семейных и корпоративных отношений (с. 183-186, 414) и сформулировал условия его допустимости (с. 188, 189).

Важным новым научным результатом работы явилось выявление особой группы правовых норм, сконструированных при помощи аналогии (норм-аналогий) и обоснование их самостоятельного места в системе относительно определенных норм (с. 55-57). Автор в третьем параграфе первой главы диссертации проанализировал все содержащиеся в ГК РФ нормы-аналогии, показал варианты включения элементов-аналогий в их гипотезы, диспозиции и санкции и сформулировал заслуживающие внимание предложения по обеспечению их корректного формулирования, толкования и применения.

Диссертационная работа В.А. Микрюкова представляет собой

фундаментальный труд в связи с широким использованием нормативного материала, судебной практики (автор проанализировал 30 актов Конституционного Суда Российской Федерации, 124 постановления и определения Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 303 постановления арбитражных судов апелляционной и кассационной инстанций, 105 актов судов общей юрисдикции), а так же российской и иностранной доктрины как гражданско-правовой направленности, так и в области теории права.

Новый модус аналогии, по справедливому мнению автора, – расширение круга источников для аналогического применения, включения в их число не только подзаконных нормативных актов (с. 284), но и судебной практики. Так, на с. 292 диссертации в рамках данного модуса автор отстаивает целесообразность идеи о применении в порядке аналогии разъяснений (правовых конструктов), формализованных в актах высших судебных инстанций. К числу субъектов, которые могут применять нормы права по аналогии, автор справедливо относит не только суды, но и нотариусов, а так же любых лиц, применяющих нормы права, и даже самих участники соответствующих отношений (с. 305).

Автор задается значимыми политико-правовыми вопросами: что такое аналогия – добро или зло, что является более эффективным в современном быстро меняющемся мире - нормативизм или аналогия, указывает на позитивисткие позиции современных ученых (стр. 160), в должной мере не использующих аналогию в качестве эффективного правового средства.

Надо сказать, что автор не выступает адептом применения аналогии, в ряде случаев отрицая возможность и целесообразность ее применения (с. 250, 271 и др.). а так же ее неаргументированное и латентное применение (с. 338). Так, диссертант справедливо полагает, что аналогическое установление и прекращение обременений частных прав недопустимо (с. 275). На с. 588 диссертации автор верно заключает, что некорректное (избыточное, латентное) использование аналогии влечет девальвацию аналогии как социально-

позитивного правового средства, предоставляет правоприменителям излишнюю дискрецию, чрезмерное использование которой приводит к сомнительным в их полезности последствиям, а также в целом снижает степень ожидаемой участниками корпоративных отношений правовой стабильности.

Результаты диссертационного исследования В.А. Микрюкова имеют не только теоретическую, но и **прикладную значимость**. Весомым практическим результатом теоретических изысканий автора явились рекомендации по повышению эффективности и сбалансированности гражданско-правового взаимодействия (с. 315, 339, 497, 546, 558, 589, 592) и конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства (с. 142, 226, 244, 271, 292, 395, 425, 483, 532, заключение работы), обусловленные стремлением обеспечить новые научные подходы диссертанта не только в аспекте функционирования аналогии как институционального средства, но и (при помощи аналогии как метода выработки новых правовых знаний) для устранения содержательных дефектов действующих правил и создания новых регулятивных норм.

Особой поддержки заслуживает то, что указанные предложения не являются техническими или «косметическими», а нацелены на содержательное изменение и дополнение положений основных кодифицированных актов частного права (ГК РФ, ЖК РФ, СК РФ). По сути через призму аналогии автор проанализировал важнейшие институты обязательственного, семейного и корпоративного права.

В частности, заслуживают поддержки выводы автора по активно дискутируемой в текущей ситуации теме о заранее оцененных убытках (liquidated damages) как мере гражданско-правовой ответственности. По мнению автора диссертационной работы, введение в российское законодательство положений о заранее оцененных убытках создаст лишь видимое расширение числа инструментов защиты нарушенных прав, устойчивых к активно используемому российскими судами по аналогии со ст.

333 ГК РФ «праву редукции», но в действительности создаст почву для новых форм злоупотребления правом (с. 248).

Следует согласиться с содержащимся на с. 514 диссертации выводом о резонности позиции, в силу которой в результате односторонней сделки участника по выходу из общества последнее приобретает благо, которым может распорядиться, а потому действие по отзыву заявления посягает на это благо и нарушает принцип недопустимости отказа от исполнения обязательств (ст. 310 ГК РФ). Этот вывод по сути созвучен правовой позиции, выработанной в постановлении Конституционного Суда РФ №2-П от 21.01.2025 об оценке для целей налогообложения переходящей к обществу доли выходящего участника. Логичным в связи с этим выглядит предложение автора «не только в плоскости разрешения судебных споров исходить из возможности профессиональной экспертной оценки рыночной стоимости активов общества при расчете действительной стоимости доли выходящего участника, но и на уровне закона прямо закрепить отвечающее требованиям разумности, добросовестности и справедливости (аналогия права) положение, что действительная стоимость доли в уставном капитале общества соответствует части рыночной стоимости чистых активов общества, пропорциональной размеру доли, вне зависимости от факта отражения соответствующих активов в бухгалтерском балансе и его конкретных величин» (с. 529).

Отмечая положительные стороны работы В.А. Микрюкова, можно указать на дискуссионные моменты, требующие в определенной части уточнения и дополнительной аргументации во время публичной защиты.

1) Требует дополнительных пояснений идея В.А. Микрюкова о том, что «благодаря аналогии с такими отработанными понятиями как «юридическое лицо» и «корпорация» законодательно объективируются новые правовые конструкции «электронное лицо» или «цифровая корпорация» (с. 47). Автору предлагается привести примеры того, каким образом институт юридического лица может быть применен по аналогии к «электронному лицу». Возникают сомнения относительно необходимости выделения такого понятия как

«цифровая корпорация» от устоявшегося понятия «корпорации». Представляется, что «корпорация» включает в себя также «цифровую корпорацию», то есть акционерное общество, акции которого выпущены в виде цифровых финансовых активов. Или автор понимает что-то иное под категорией «цифровая корпорация»?

2) В своей работе автор вводит и подробно анализирует понятие «норм-аналогий» (с. 55 – 57), в которых отдельные элементы правила формулируются в виде незамкнутого множества с указанием на какой-либо признак одного из элементов данного множества (эталонного элемента) и требованием об аналогичности иных его элементов (с. 13). В этой связи требует дополнительного пояснения вопрос о том, насколько предложенная концепция «норм-аналогий» отличается от уже существующих в теории права классификаций норм с относительно-определенными элементами, в частности, от норм с оценочными понятиями или бланкетных норм, которые также требуют от правоприменителя значительной интерпретационной работы, часто с использованием аналогии? Каковы четкие критерии разграничения «норм-аналогий» от иных норм, требующих творческой интерпретации?

3) В.А. Микрюков подобно анализирует вопрос о применении судами толкования «contra legem» и его допустимости в отдельных случаях (с. 184 – 191). Оправдание такого применения видится автору в «антиципации судом законодательного изменения неистинных норм (своего рода конклюдентной правотворческой инициативе)» (с. 188). Достаточно интересным является вопрос о том, каковы, по мнению автора, четкие критерии и пределы для определения «неистинности» нормы и для «антиципации» судом законодательных изменений, чтобы такое «исправительное» применение аналогии не превратилось в судебный произвол и не нарушило бы принцип разделения властей и правовую стабильность? Как это соотносится с практикой Конституционного Суда РФ по оценке норм на их соответствие Конституции РФ?

4) Доказывая свою позицию о всепроникающем характере аналогии,

В.А. Микрюков провел глубокий сопоставительный анализ общей (ст. 393.1 ГК РФ) и специальной (ст. 524 ГК РФ) норм, сформулировал основанные на аналогии заслуживающие внимания предложения по уточнению редакции ст. 524 ГК РФ и сделал вывод о распространении аналогии не только на регулятивные, но и на охранительные частные отношения (с. 226, 227). В то же время, исследуя проблемы, связанные с осуществлением гражданских прав и его пределами, диссертант приходит к заключению о недопустимости установления ответственности, ограничений и обременений субъективных частных прав вследствие применения аналогии закона и предлагает закрепить этот запрет в ГК РФ и соответствующих статьях СК РФ, ЖК РФ и иных кодифицированных актах (с. 260). Последнее демонстрируется автором на примере поиска способов защиты субъективного права на наименование некоммерческой организации, не сопряженного с применением по аналогии ограничивающих гражданские права правил о фирменных наименованиях коммерческих юридических лиц (с. 261-266). В связи с этим возникают некоторые сомнения во взаимном соответствии указанных суждений автора, одновременно относящихся к охранительно-правовой сфере частного права. Как неоднократно в тексте диссертации упомянул диссертант, корпоративные связи тесно соприкасаются с отношениями по государственной регистрации юридических лиц и ведением ЕГРЮЛ. Однако реализация дозволительных начал и возможностей диспозитивных норм, предоставленных гражданско-правовым регулированием создания и деятельности корпораций, порождает сложные ситуации, когда отсутствуют точные правила административных регламентов регистрационных действий, но отказ в их совершении противоречит принципу необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав. Из текста диссертации неясно, видит ли автор возможность применения аналогии в таких случаях. Также требует дополнительного пояснения позиция диссертанта о возможности аналогического применения норм, регулирующих правовой статус участников общества, к фактическим бенефициарам, не являющимся участниками (с. 464–472). Возможно ли

применение аналогии в регулировании прав и обязанностей лиц, не обладающих формальным статусом участника, которое при этом не нарушает закрепленную компетенцию регуляторов (например, ФНС)?

5) Требует дополнительных пояснений новаторская идея В.А. Микрюкова о квалификации молчания законодателя по вопросу о возможности (или отсутствия возможности) требовать принятия решения о распределении чистой прибыли корпорации правовой аномалией (с. 545), обусловливающей необходимость применения аналогии права, что, по его мнению, предполагает допустимое усмотрение суда по возложению на корпорацию обязанности делиться прибылью (при отсутствии к тому объективных юридических и экономических противопоказаний), исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства, требований добросовестности, разумности и справедливости (с. 546). Усматривается определенное противоречие этой позиции общепринятому подходу к признанию принятия закона наилучшим способом борьбы с правовыми пробелами и возникает сомнение в уместности ее аргументации обращением к практике допустимости признания недействительным решения об увеличении уставного капитала хозяйственного общества за счет вкладов участников по иску миноритариев, которые не захотели или не смогли внести свою часть вклада и рискуют претерпеть уменьшение относительного размера доли корпоративного участия (пакета акций) (с. 548).

6) В свете появления неоднозначной судебной практики по спорам о вхождении в состав участников обществ с ограниченной ответственностью пережившего супруга умершего члена общества в связи с обладанием супружеской частью в праве на долю в его уставном капитале и в связи с наследованием этого права, полезно было бы найти ответ на не исследованный в работе вопрос о возможностях применения аналогии закона на стыке семейного и корпоративного элементов в статусе участника хозяйственного общества.

7) В.А. Микрюков, исследуя имущественные последствия фактических

брачных отношений, неоднозначно рассуждает о возможности аналогического распространения на них норм, регулирующих режим имущества супругов (с. 360-370). Однако Семейный кодекс РФ четко разграничивает брак как юридический факт и фактическое сожительство, а в ст. 1 СК РФ закреплено, что брак признается только зарегистрированным. Насколько допустимо, по мнению автора, применять аналогию к отношениям, прямо исключенным из правового поля законодателем? Не нарушается ли в таких случаях принцип правовой определенности и пределы дискреции суда?

8) В параграфе 5 главы 3 диссертации автор предлагает использовать аналогию закона при применении норм семейного и гражданского законодательства в случаях, прямо не урегулированных законом, в частности - касающихся детей, оставшихся без попечения родителей. Автору предлагается ответить на вопрос: допустимо ли применение аналогии в сфере, затрагивающей права и свободы ребенка, когда, помимо риска нарушения принципа наилучших интересов ребенка (ст. 65 СК РФ), также возможна коллизия с международно-правовыми обязательствами РФ (например, Конвенцией ООН о правах ребенка)? Какие пределы допустимой аналогии в данной области видит автор?

9) При том, что автор предоставляет множество интересных примеров применения судами аналогии закона, без внимания остался активно обсуждаемый в профессиональном и бизнес-сообществах вопрос о судьбе акций так называемых «потерянных акционеров». Так, в деле № А27-24426/2020 Верховный суд РФ, в частности, указал, что исключение акционера из ЕГРЮЛ свидетельствует о выходе участника (акционера) из корпорации как юридическом факте, в связи с чем правовые последствия этого факта могут определяться по аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ, на основании положений ст. 72, 73, 75, 76 Закона об АО (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15 декабря 2022 года № 304-ЭС22). Во время публичной защиты хотелось бы услышать позицию диссертанта по поводу этого важного с практической и теоретической точки зрения вопроса, имея

ввиду, что законодательные новеллы о приостановлении права на выплату дивидендов и на направление информации о проведении заседания общего собрания акционеров или заочного голосования (Федеральный закон от 08.08.2024 N 287-ФЗ), с нашей точки зрения, не достигли своей цели – решить вопрос с акционерами, числящимися в реестре, но не реализующими свои права (разве что кроме вопроса экономии средств общества на коммуникации с такими акционерами).

10) Соглашаясь с мнением автора, о допустимости отмены решения общего собрания о выплате дивидендов и возможности применения в корпоративных отношениях конструкта, выработанного Верховным судом в делах по банкротству, в соответствии с которым отмена решения допустима при условии, что в ней отсутствуют признаки злоупотребления правом и что она совершена до момента, пока отмененное решение не начало влиять на права и законные интересы внешних по отношению к участникам собрания лиц (с. 553) однако полагаем, что не следует в качестве обязательного условия ставить достижение единогласия всех участников при отмене решения (с. 554). Исходя из принцип корпоративного устройства - принятие решения общего собрания большинством голосов, полагаем, что для отмены или изменения решения о выплате дивидендов при наличии прочих условий достаточно воли большинства участников, а не единогласие. Такой подход следует закрепить на законодательном уровне. Полагаем излишними предлагаемые автором поправки в законодательство (п. 7 Заключения, с.595) в части уточнения формулировки п. 2 ст. 90 и п. 2 ст. 99 ГК РФ соответственно следующим образом: «Допускается оплата уставного капитала общества с ограниченной ответственностью путем зачета встречных требований к обществу» и «Допускается оплата размещаемых акционерным обществом акций путем зачета встречных требований к обществу». Полагаем, что уставный капитал хозяйственного общества оплачивается в данном случае не зачетом встречных требований, а деньгами или иным имуществом. Зачет взаимных однородных встречных требований не является видом вклада участника, а должен быть

квалифицирован как способ исполнения обязательства.

11) В свете развивающейся дискуссии о возможности субсидиарного применения норм Гражданского кодекса РФ к трудовым правоотношениям, прежде всего, трудовым договорам, интересна позиция автора по данному вопросу. Возможно ли в случае наличия пробелов в нормах трудового права de lege ferenda применять по аналогии нормы Гражданского кодекса РФ при условии, что это будет приводить к улучшению положения работника? Например, допустимо ли применять правила о недействительности сделок, закрепленные в ГК РФ, к трудовым отношениям в случае, если работника под угрозой насилия заставили написать заявление об увольнении по собственному желанию. Также интересно, возможно ли применять ГК РФ, чтобы в случае незаконности увольнения работника, который из-за лишения источника дохода вынужден был уплачивать штрафную неустойку банку, он мог взыскать соответствующие убытки с работодателя. Если de lege ferenda возможно применение ГК РФ, то какие, по мнению автора, могут быть критерии такого применения?

Указанные замечания, во многом обусловленные дискуссионным характером проработанных в диссертации вопросов, не препятствуют общей положительной оценке предпринятого диссертационного исследования.

Диссертация В.А. Микрюкова в целом отвечает требованию научной новизны, является актуальным и оригинальным исследованием, выполненным единолично на должном теоретическом уровне.

Автором удачно выбрана адекватная теме, направленности и содержанию исследования структура, работа обладает внутренним логическим единством и носит завершенный характер.

Предложенные автором новые теоретические и прикладные решения имеют развернутую аргументацию, сопоставлены и оценены в сравнении с другими известными позициями российских и зарубежных ученых. Существующие нормативные положения, обнаруженные судебные подходы и ранее высказанные мнения правоведов подвергнуты критическому анализу.

При этом круг использованных в работе источников, складывающийся из более чем 1140 различных научных работ и более чем 690 нормативных, судебных и иных правовых актов, является весьма объемным и репрезентативным. Это позволяет прийти к выводу о том, что достигнутые В.А. Микрюковым научные результаты достоверны и значимы, свидетельствуют о достижении целей исследования и о весомом личном вкладе автора в науку частного права.

О должной **степени достоверности** положений исследования указывает и то, что они получили всестороннюю апробацию в рамках международных и всероссийских научно-практических конференций и нашли полное, адекватное отражение в автореферате работы и 89 научных публикациях В.А. Микрюкова, которые в полной мере соответствуют поставленным диссертантом исследовательским целям и задачам, адекватны структуре и содержанию диссертации.

Работа В.А. Микрюкова имеет учебную и **методологическую значимость**. Материалы диссертации могут быть востребованы в учебном процессе при освоении методики цивилистических исследований и при изучении дисциплин гражданского права, предпринимательского права, корпоративного права и семейного права. Справедливо отмечая, что сфера юридического образования испытывает явный недостаток учебного и научно-методического материала, который выходил бы за рамки азбучных сведений теории права об аналогии как способе преодоления законодательных пробелов (с. 6, 159-161) диссертант при подготовке отмеченных в диссертации авторских учебных текстов существенно продвинулся в направлении ликвидации данного недостатка.

Рассмотренная автором научная проблематика, поставленные диссертантом цели и задачи, задействованный научный и эмпирический материал, сделанные теоретические выводы, сформулированные практические предложения и вынесенные на защиту положения свидетельствуют о том, что диссертационное исследование В.А. Микрюкова соответствует специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Изложенное позволяет прийти к общему выводу, что диссертация Микрюкова Виктора Алексеевича «Категория аналогии в системе регулирования частноправовых отношений», представленная на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки, отвечает всем требованиям, предъявляемым в настоящее время к диссертациям, представляемым на соискание ученой степени доктора юридических наук Положением о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в ред. от 16.10.2024 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025), а ее автор заслуживает присуждения искомой степени доктора юридических наук.

Официальный оппонент
Профессор кафедры предпринимательского права
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»,
доктор юридических наук
(научная специальность: 12.00.03. – гражданское право;
предпринимательское право; семейное право;
международное частное право), доцент

«10» июня 2025 г.

Шиткина Ирина Сергеевна

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ПОДПИСЬ Шиткиной И.С.
УДОСТОВЕРЯЮ Гогарева Д.В.
_____ 20___ г.

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»
Адрес: Москва, 119991, ГСП-1, Ленинские горы,
стр.13, 4-й учебный корпус
Телефон: +7 (499) 706-00-60
E-mail: office@law.msu.ru
Web-сайт: http://www.law.msu.ru/